

RU

Фольклорно-мифологические образы и мотивы
в поэзии Николая Клюева

Мануковская Т. В., Бирюкова С. Н.

Аннотация. В научной статье рассматривается связь лирики Н. Клюева с мифологическим мышлением народа, проявляющимся в форме анимизма, антропоморфизма, тотемизма, фетишизма. Цель исследования - показать основные мифологические представления поэта на примере космогонических образов (Солнце, Небо, Земля, Огонь, единицы времени, модель мира - Мировое Древо в облике разных пород деревьев, крестьянская Изба). Научную новизну данного исследования авторы усматривают в выборе темы, раскрывающей неизученные стороны творчества Н. Клюева. Полученные результаты показали, что в основе поэзии Николая Клюева лежат фольклорно-мифологические образы и мотивы, являющиеся характерной чертой его поэтического творчества. В его стихах отразились взгляды народа на природу и божества древних славян, народное мифологическое сознание, архаический тип мышления.

EN

Folklore-Mythological Images and Motives in Nikolai Klyuev's Poetry

Manukovskaya T. V., Biryukova S. N.

Abstract. The article shows how N. Klyuev's lyrical poetry correlates with Slavic mythological consciousness manifesting itself in the form of animalism, anthropomorphism, totemism, fetishism. The paper aims to reveal poet's mythological conceptions by the example of cosmogonic images (Sun, Sky, Earth, Fire, Time, World Tree species, Peasant Hut). Scientific originality of the study lies in the fact that N. Klyuev's creative work has not been previously investigated in this aspect. The conducted research allows concluding that N. Klyuev's poetry is characterized by folklore-mythological images and motives. His poetical works represent ancient Slavic religious-mythological consciousness, archaic thinking.

Введение

Конец XIX – начало XX века ознаменовались глубоким кризисом, охватившим всю европейскую культуру. Россия была переполнена всевозможными течениями в искусстве и философии, чувствами религиозного беспокойства и богоискания, апокалиптическими настроениями и повышенным вниманием к мистике и оккультизму. Это было время интереса к изучению язычества, мифологии и фольклора как наиболее древних пластов народной культуры, к сектантам и старообрядцам, носителям, по мнению А. Блока, «бунтарского» начала, характерного для народной души.

Объектом работы является поэтическое наследие Н. Клюева: отечественные и зарубежные издания его произведений, а также письма, статьи, воспоминания современников о поэте. Предметом исследования является эволюция мифологических образов и мотивов в поэзии Н. Клюева. Актуальность избранной темы определяется все возрастающим научным интересом к творчеству Николая Клюева, которое стало изучаться лишь недавно. Художественные тексты, документы и мемуары, представленные в качестве предмета исследования, философско-эстетические особенности произведений Николая Клюева изучены далеко не полно. В настоящее время идет осмысление творческого наследия Н. Клюева как национальной классики, при этом вопрос о значении его произведений вызывает много острых споров и диаметрально противоположных мнений, например, о поэме «Песнь о Великой Матери» в работах К. М. Азадовского (2002) и В. Г. Базанова (1977). Несколько же раньше исследователь Э. Б. Мекш (1995) высоко ставит эту поэму, не соглашаясь с опрометчивыми выводами о творческой инволюции Клюева. На основании приверженности Н. Клюева языческим и сектантским мотивам И. В. Гречаник (1999) делает вывод о его «нерусскости», ориентации на интернационализм. Однако всем своим поэтическим творчеством Н. Клюев увековечивал быт русского народа, как верно утверждает Е. М. Юхименко (1997) в работе «Народные основы творчества Н. А. Клюева». В монографии А. П. Казаркина (2013) в форме полемики приводятся

разные суждения о Клюеве, даются порой противоположные оценки его творчества. В наше время особо актуальна проблема изучения образов, восходящих к древнему мифологическому мышлению. Для нас открылась возможность разработки проблемы эволюции мифологических образов в творчестве Н. Клюева, рассмотрения на примере его стихов диалектической триады «миф – фольклор – литература». Проблемы фольклоризма произведений поэта с точки зрения жанровой специфики освещены не в полной мере.

Теоретическая база исследования представлена многими работами. В научной статье мы учитывали исследования биографии и творчества Н. Клюева (Б. Филиппов, А. Грунтов), его окружения (Л. Ф. Карохин, Ст. и С. Куныевы). Из значительных работ, появившихся в 1990-е годы, выделяются книги К. М. Азадовского, В. Г. Базанова, Е. И. Марковой, Т. А. Пономаревой, диссертации Л. А. Киселевой (1990), Л. В. Захаровой (1993), книги и статьи известных клуеведов А. И. Михайлова, С. Г. Семеновой, С. И. Субботина, Э. Б. Мекша. На рубеже веков и в первой половине XXI века появляются научные работы: И. В. Гречаник (1998), Я. П. Редько (1998), Р. И. Климаса (2002), Е. Н. Лисицкой (2003), В. А. Брыкалина (2005), А. В. Фроловой (2006), И. В. Кудряшова (2012), А. П. Казаркина (2013) и других ученых. В своей работе мы пользовались возможностями электронного сайта «Клюевослов» (статьи Л. И. Киселевой (1991), С. В. Поляковой (1997), Я. П. Редько (1998), А. Михайлова (1999), Р. Вроона (1997)). Литературоведение и фольклористика, что закономерно, в нашем исследовании постоянно взаимодействуют.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты могут найти применение в вузовских лекционных курсах по литературе XX в., курсе устного народного творчества и мифологии, а также способствовать дальнейшему изучению творческого наследия поэта.

Исследуя мифологические образы и мотивы в творчестве Н. Клюева, мы ставим в этой статье перед собой следующие задачи:

- 1) выявить глубинную связь поэтического творчества Н. Клюева с мифологией как формой древнего сознания (явления анимизма, антропоморфизма, тотемизма, фетишизма);
- 2) показать основные мифологические образы в поэзии Николая Клюева на примере космогонических образов (Солнце, Небо, Земля, Огонь, единицы времени, модель мира – Мировое Древо в облике разных пород деревьев, крестьянская Изба); охарактеризовать многоуровневую структуру мира.

Основная часть

Все творчество Н. Клюева построено на одушевлении природных явлений, на олицетворении всего, что окружало человека, на поэтизации крестьянского быта в его предметных деталях, поверьях, народных приметах, что представляло «*сильнейшую сторону фольклоризма*» (Савушкина, 1988, с. 57). Реально существовавший в народном сознании языческо-христианский мир, знакомый самому Н. Клюеву по его жизни в деревне, поэт сопоставлял и расширял за счет образов и мотивов, восходящих к основополагающим трудам А. Н. Афанасьева, который являлся продолжателем мифологической школы братьев Гримм. Традиционные образы Н. Клюев дополнял вымышленными («Мать-Планида», «черная птица Обида», «колдунья-Дрема» и др.), показывая тем самым стихийную мощь человеческого слова.

Обращаясь к мифу, к первобытному мышлению и фольклору, поэт пытался ответить на онтологические вопросы бытия. Наступление города губило сокровенную тишину, в которой древний мир был еще жив. Наивная вера человека в одушевленные силы Природы и приметы цивилизации – в поэзии Н. Клюева понятия несовместимые, поэтому его стихи пронизаны настроениями мучительной тоски по невозвратно уходящему миру, по «отлетающей» Руси. Древние представления народа олонецкий поэт воссоздает из знакомых ему воспоминаний, но назвать этот процесс реанимацией нельзя, так как Русский Север, Олония во времена Н. Клюева еще стояли на древнем типе мышления, поэтому он смотрит на все как с позиций современной поэтической системы, так и архаичной, к которой привык. Особый тип верования, основанный на очеловечивании Природы, найдет впоследствии свое отражение в языковом Космосе Н. Клюева, возникнет его трактовка космогонии, взгляд на мир по-клуевски. Это будет олонецкий мир с его реалиями и деталями, центр которого – северная Изба.

Последняя из мифологических проблем – эсхатологическая, к которой поэт переходит с особым вниманием в поздний период своего творчества, во время процесса разрушения, гибели его «запечного» Рая. Остаточные языческие элементы, встречающиеся в массе народных суеверий, представляют собой зерно мировоззрения наших предков. Заглянуть в далекое прошлое позволяет ряд фольклорных жанров, легших в основу эсхатологически направленных произведений Н. Клюева. Традиционность в его творчестве имеет значение символа жизни. Если она уходит, жизнь угасает. Не случайно образ судьбы у Клюева – связующий, сквозной, проходящий через все поэтические перипетии. Особенно знаковым является трагически окрашенный мотив «прерванной нити судьбы».

Первые стихи Н. Клюева (1999) еще не были наполнены космогоническими образами. Они в них лишь изредка упоминаются, как, например, в стихотворении «Горные звезды как росы» (1908): «Месяц, как лилия, нежен, / Тонко, как профиль лица. / Мир неоглядно безбрежен. / Высь глубока без конца» (с. 111). К фольклорным образам и мотивам Н. Клюев обратился раньше, чем к мифологическим. «*Одинаковое развитие младенствующей фантазии языческих народов*» (Буслаев, 2003, с. 47) способствовало появлению *общих мотивов* в мировом фольклоре. Основоположники мифологической школы в фольклористике братья Гримм (Grimm, 2003b, с. 483) приводили многочисленные параллели из фольклора европейских народов, объясняя сходство мотивов наличием общего

«прамифа», единым прародителем. Согласно их теории, народная поэзия имеет «божественное происхождение». Древний человек был зависим от стихий, что находило отражение как в русском, так и в мировом фольклоре. Мифологическое понимание народом Природы, Вселенной, небесных светил, отраженное Я. Гриммом (Grimm, 2003b, с. 582) в главе «Небо и звезды», широко представляет в своих стихах поэт «избяной Руси» Н. Клюев (1999): «Скалы – мозоли земли, / Волны – ловецкие жилы» (с. 420). Понятие неба в старину было тождественно понятию Космоса: «Из-под шелома строго / Грозится туча-бровь» (с. 208). Клюев пытается стилизовать, воссоздать тип мышления древнего человека. Согласно такому мировидению наших предков, вся Природа олицетворялась, представлялась гигантским живым существом. Такой образ в народе понимался буквально и постоянно варьировался. Вселенная в стихах Н. Клюева имеет черты внешнего человекоподобия. Это явление можно назвать собственно *антропоморфизмом* (от греч. *anthropos* – человек, *morphe* – форма – *олицетворение* явлений Природы, религиозных и мифологических представлений и образов, перенесение на них присущих человеку свойств) (Атеистический словарь, 1986, с. 23). Антропоморфизация объектов Природы отражает особый этап эволюции художественного мышления народа. Природные объекты наделялись способностью производить действия, свойственные человеку. Таких примеров в стихах Н. Клюева (1999) довольно много: тучи у него «водят хороводы» (с. 270); «темь соткала куколь / Елям и бугру» (с. 280); «зима изгрызла бок у стога, / Вспорола скирды» (с. 241); «Дан заказ Заре кокошник вышить» (с. 276).

В мировых культурах широко распространен и является устойчивой мифологемой концепт *расчлененного тела Вселенского человека-великана*. Все это лишний раз доказывало былую общность культур и космическое видение мира. Образ Вселенского первопредка-исполина Н. Клюев (1999) представляет в стихотворении «**Ягода зреет для птичьего зоба...**», где наша Вселенная дана вполне в духе древних представлений: «Наша земля – голова великана, / Мозг же – зверушки в трущобах волос, / Горы – короста, лишай – океаны, / В вечность уходит хозяина нос» (с. 225). В славянской мифологии и фольклоре тоже есть множество подтверждений того, что человек создан из частей природы (например, в «Голубиной книге»): тело – от земли, кости – от камней, глаза – от моря, дыхание – от ветра, кровь – от солнечной росы, разум – от небесного облака: «Тела наши от сырой земли, / Кости крепки взяты от камня, / Кровь – руда от Черна моря, / Наши помыслы от облак небесных» (с. 270). Символы, выработанные древними предками, поэтическим слогом отображены в произведениях Н. Клюева. В его стихах «пята – гора, суставы – скал отроги», «утроба – ночь, костяк же – камень серый» («**Грозовые, влажные шаги...**») (с. 323); «леса – тулупы, предесья – ноги» («**Погорельщина**») (с. 673).

Вся жизнь на земле была обусловлена космическими законами, движением Солнца, звезд, галактик. Астрономические светила поданы в стихах Н. Клюева в виде фольклорно-мифологических *олицетворений*. *Солнце, Месяц, Луна* – объекты поклонения язычников-славян и важнейшие категории Космоса художника. Одновременно они представляли собой элементы одного из *мифологических кодов* – *астрального*. Знания об этих светилах у древнего человека соотносимы с представлениями о тех или иных богах, которые не просто отвечали за определенную пространственно-временную связь, но могли и враждовать между собой. Поэтому оппозиция «Солнце/Месяц», «Земля/Небо» в стихах Н. Клюева естественна в ряду противопоставлений «дневное/ночное», «женское/мужское». Древнее название хороводных песен – «круговые», что А. Н. Афанасьев (1994, с. 207) объясняет круглой формой светила, которое вызывало ассоциации огненного колеса, кольца, щита. Клюев (1999) же концептом *Солнце-круг* объясняет как форму поминного блина (символа библейского конца света), так и языческий символ смены времен года: «Блин поминный круглый недаром: / Солнце с месяцем – Божьи блины, / За вселенским судным пожаром / Круглый год ипостась весны» (с. 316). Древние сведения о сотворении мира поэт намеренно дает на фоне деталей северного быта: «На потрохи звездного лова / Сбежатся кометы-песцы» (с. 335); «Месяц – рог олений, / Тучка – лисий хвост» (с. 279). С богом Солнца у человека ассоциируется тепло, свет, наступление дня, хороший урожай, поэтому люди верили в помощь и покровительство главного божества. В стихотворении Н. Клюева «**Молитва Солнцу**» лирический герой традиционно обращается к Солнцу, просит «согреть мужика», помочь ему в трудную минуту, в дни «людского кровопролитья»: «Солнышко-светик! Согрей мужика. / В сердце моем гробовая тоска. / Братья мои в непомерном бою / Грудь подставляют штыку да огню. / В бедной избе только холод да труд, / Русские реки слезами текут!» (с. 358). Клюев наделяет Солнце человеческими чертами, как и всю Природу, поэтому не удивительно, что поэт порой изображает Светило «растрепанным», простоволосым: «Растрепало Солнце волосы – / Без кудрей, мол, я пригожее» (с. 211).

В представлении древних народов кроме дневного Солнца было еще и ночное, чтобы освещать невидимую сторону Земли, причем поутру всходило каждый раз новое Светило. Утро в народной традиции всегда было лучше вечера («утро вечера мудренее»). Заря, запечатленная в мифологии и фольклоре в двух видах – утренней и вечерней, тоже пользовалась независимостью. Время захода Солнца за горизонт считалось опасным. Боясь, чтобы Солнце не зашло навсегда, люди в это время бросали свои дела и молились. Традиционное почитание Зари как божества проявляется в народных заговорах, которые народ до сих пор читает на утренней и вечерней Зорьке. В древние представления о Природе Н. Клюев вкладывал дополнительное содержание, глубокий смысл, нередко соотнося силы стихии со своими творческими замыслами. В его стихах содержится «подтекст», означающий «брак Отца-Неба и Матери-Земли». Воинствующая утренняя Заря, прогнав ночную Тьму, каждый раз рождала новый День. Представление утренней Зари матерью Солнца повторяется у Н. Клюева (1999) многократно: «Зорька-повитуха» (с. 285); «Мы матери душу несем за моря, / Где солнцеву зыбку качает заря» (с. 233). А. Н. Афанасьев (1994) называет Солнце «*белым или рыжим быком или коровой*», что согласовалось с древним представлением дня «*белым, золотогривым конем, а ночи – вороним*» (с. 659). Об этих древних взглядах

Н. Клюев (1999) упоминает в своих стихах: «Солнце – Божию коровку / Аллилуйем встречать» (с. 258). Образ крылатого Коня издревле был символом Солнца. А. Н. Афанасьев (1994) говорил об особом почитании в народе «*Зари Утренней... богиню, которая выводит на Небо блестящих лошадей Солнца, а Зари Вечерней – богиню, которая уводит их на покой*» (с. 594). Тотемизм – одна из ранних форм религии, суть которой – вера в сверхъестественное родство между человеческими группами и животным и растительным миром (Атеистический словарь, 1986, с. 448). Наиболее частотным среди тотемов в стихах Н. Клюева (1999) является образ медведя. В поэме «**Песнь о Великой Матери**» в развитие сюжета поэт включает поединок главной героини с медведем: «Лежат, как гребень, когти / На девичьих сосцах» (с. 747). Поэт намекает на реальность брака с зооморфным тотемом, указывает на связь человека с силами Природы, с силами Земли. У поэта медведь не просто равен человеку (медведь, как известно, в представлениях народа являлся прародителем людей), но и отмечен Богом, поэтому Клюеву близко выражение «апостолы-медведи». Образ медведя наделен у него миссией спасителя мира от человеческих грехов. Этим можно объяснить такое частое применение Клюевым в своих стихах образа Топтыгина, а также своего собственного облика «с медвежьим солнцем в зрачках», например, в поэме «**Четвертый Рим**». А в «**Гагарьей судьбине**» поэт даже называет себя «послом от медведя», объясняя свой дар пророчества именно «браком с животным».

Важнейшим атрибутом Космоса Клюева (1999, с. 307) выступает Время-хронос, «Время-скряга», выражающее его текучее начало. В клюевском творчестве время мифологизировано. Возникает образ мифического времени, главной функцией которого является движение человеческой судьбы, поэтому в отдельных случаях образ времени синонимичен образу богини судьбы, ткающей нить жизни. Неторопливое, «мерное» течение времени поэт сравнивает со струящейся розовой пряжей, которую ткёт Заря, рождая День: «Как пряжа мерен день, и солнечные белки, / Покинув райский бор, уселись на шесток» (с. 296). Образ будущего, «вселенской зыбки», у Н. Клюева также ярко индивидуален, гиперболизирован, связан с крестьянским укладом жизни. В клюевском Космосе Заре и Солнцу противостоят Ночь и Луна, которые традиционно ассоциируются с темными силами, поэтому в его стихах «ночь-горбунья / Зелье варит» (с. 273); «волчьи зубы у луны» (с. 731); «Луна, как вражий барабан, / Над буграками повисла» (с. 253).

Символом Солнца в произведениях Клюева (1999) является Конь. Под концептом Конь (прообраз мифологических «всевышних крылатых коней») воплощается в стихах лирический герой – автор. Как «у карего много невыжанных дум», так и у автора-поэта много мыслей и начатых дел: «Свершатся ль мои подъяремные сны, / И, взвихрен, напысь ли небесной волны?» (с. 294). Клюев верит в свое предназначение, в своего «смирненного конягу», поэтому символом начала нового круга является «дремучая сонь» Русского Севера: «Орлом огнезобым взметнется мой конь, / И сбудется дедов дремучая сонь!» (с. 295). Но вернемся к концепту «народная космогония». Дневное движение Солнца играло важную роль в древнейших верованиях. Чтобы купленная скотина не болела и прижилась в новом доме, принято было трижды обводить ее вокруг столба, «чтобы она пришла к нему на счастье», на что указывает А. Н. Афанасьев (1994, с. 181). До сих пор существует обычай выводить молодоженов из-за стола «по солнцу», а весной, когда Небо вступало в брачное соитие с Землей, девушки водили по кругу («по солнцу») хороводы.

Ночь и День зависели от близости или удаленности от Солнца, брали начало друг в друге, как и торжественная смена времен года. В песнях миннезингеров часто поется о том, что День и Ночь схожи с Летом и Зимой еще в том, что наступление Дня и приход Лета птицы приветствуют радостным пением, а Ночь и Зиму встречают молчаливой печалью (Grimm, 2003a, с. 629). Такими же были и представления древних славян – Лето уподобляли они Дню, Зиму – Ночи. А. Н. Афанасьев (1994) пишет, что «Светлые кони выводили на небо день, а черные – ночь» (с. 605). Зима и Лето, Весна и Осень широко представлены в произведениях олонечского поэта. Мотив священного брака лежит в основе всей «литургии жизни» Н. Клюева (1999), является законом сохранения мира: «Женилось солнце, женилось / На ладожском журавле» (с. 467). Даже такое грандиозное по Вселенскому охвату явление событие – женитьба Солнца – дано на родном Клюеву севернорусском материале.

Обратимся теперь к изучению модели мира, представленной в произведениях Н. Клюева. В основе его мифопоэтического космоса лежит троичная схема вертикального пространства, состоящая из Земли, Рая и Ада, и каждая из названных частей Космоса представляет собой разветвленную систему сквозных образов. Когда же сложилась в сознании поэта целостная модель мира? Отдельные космогонические концепты в поэзии Н. Клюева (1999) мы уже рассмотрели, но как система эти представления сформировались после его хождения по скитам, в период создания «**Братских песен**». Эти образы проходят через все последующее творчество поэта. Одна из особенностей его поэзии – постоянная приверженность космогоническим образам: «Из нити же время плетет невода, / Чтоб выловить жребий, что светел всегда» (с. 294); «Из молочных хлябей, как озимь, / Избяные взойдут коньки» (с. 481).

Что же являлось центром мифологического пространства, ее серединой, «мировой осью»? В качестве такого центра, середины мира у Н. Клюева могли выступать «не только древо, гора, пуп вселенной, столб, крест, храм, колодец, изба, но и их части: горка в деревне, алтарь в храме, очаг или божница с иконой в избе и т.п.» (Захаров, 1997, с. 104). У Клюева (1999) есть почти все названные образы середины: «Три огненных дуба на пупе земном» (с. 363); «Полощется в озере маковый цвет, / В пеганые глубы уходит столбом / До сердца земного, где праотцев дом» (с. 242); «Бревенчатый сон предстает наяву: / Я вижу над кедром храма главу... / И тепля ущербы, Христова рука / Крестом увенчала труды мужика» (с. 705); «Я по алу левантину / Расписной разброшу стёг, / Вышью Гору Соколину, / Белокаменный острог» (с. 164).

Поклонение неодушевленным предметам, которым приписываются сверхъестественные свойства, является одним из элементов религиозного мировосприятия (*фетишизм* – от франц. *fetich* – талисман, омулет, идол) (Атеистический словарь, 1986, с. 463). Образов-символов *середины Вселенной* в стихах Н. Клюева (1999) много: «Есть Мать-земля, бытия колыбель» (с. 293); «Золотые столбы России, / Китоврас, коврига и печь» (с. 480); «В избе, под *распятьем* окна / За прялкой Предвечность сидела» (с. 305). Наиболее распространенным в поэтической речи Н. Клюева является мифопоэтический образ *Древа*: «Древо Жизни», «Словесное Древо», «Ель Покоя», «Райское Древо», «Громовое Древо», «Крылатое Древо», «Крестное Древо», три дуба – «Премудрость, Любовь и волхвующий Труд», голое «древо зла», «Неопалимое Древо» и др. Традиционно «Древо» – один из многочисленных символов «*Мировой Оси*». Одновременно под этим понятием принято подразумевать вертикаль креста, а его горизонталь образуют ветви. Древо, в соответствии с христианской традицией, ассоциируется у Н. Клюева с крестом, на котором был распят Христос. Если исходить из библейской символики, то Древо Жизни, посаженное посередине Земного Рая, является образом, олицетворяющим центр Вселенной. В поэтическом мире Н. Клюева Мировое Древо связывает три космические сферы – Землю, Рай и Ад. «*Древо в средоточии мира*» – образ, существующий в мифологиях почти всех народов (Мифы народов мира, 1991, с. 396-407).

Концепт «Мировое Древо» не только полисемичное, но и полицентричное явление, на основании чего Н. Клюев (1999) создал в своих произведениях целую цепь сквозных образов Дерева как многозначного символа. Последний вырастает из образов конкретных деревьев – сосны, ели, кедра, дуба, ивы, ракиты, вербы, ветлы, вяза, березы, осины, яблони и др., образующих бор, рошу или сад. Например, образ леса в стихотворении «*Лес*» символизирует собой весь Русский Север: «Как сладостный орган десницею небесной / Ты вызван из земли, чтоб бури утишать, / Живым дарить покой, жильцам могилы тесной / Несбыточные сны дыханьем навевать» (с. 181). Согласно устной народной традиции, *Лес* в клюевских стихах – это дар Неба всему живому на Земле, это сама *Жизнь*, но одновременно Лес – это связь с миром умерших, *ворота в «мир иной»*. Эту же тему продолжает Н. Клюев в стихотворении «*Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор...*», где Лес, как хранитель людского счастья и силы, приобретает черты *Рая*: «Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор, / Из-за быстрых рек, из-за дальних гор, / Чтоб у ног твоих, витязь-схимнице, / Подышать лесной древней силищей!» (с. 157). Клюевский Лес нередко представлен Хаосом, стихией, в которой властвует Дух Леса (Леший), «Хозяин».

Заключение

В результате исследования мифологических мотивов в творчестве Николая Клюева мы пришли к следующему выводу: применительно к данному материалу лирика поэта отражает народное мифологическое сознание, воссоздающее архаический тип мышления. Связь с мифологическим мышлением народа в его стихах проявляется в виде анимизма, антропоморфизма, тотемизма, фетишизма. Мифологические представления Н. Клюев реализовывал на космогонических образах Солнца, Неба, Земли, Воды, единиц времени, Мирового Древа. В центре мифопоэтического Космоса Клюева лежит троичная схема вертикального пространства (Земля, Рай, Ад), изображенная разветвленной системой образов. Языческие представления проявляются на предметах крестьянского быта, например, на изображении северной Избы (центра олонцкого мира Клюева), Печи как символа домашнего Очага, печного Огня, Божницы, Ковша и Ковриги.

Все крестьянские образы приобретают сакральный характер, с ними происходит «обожение», что привычно для представлений староверов Русского Севера. Христианский идеал и картины «избяного Рая» находятся в «яровчатых» стихах Клюева в полной гармонии, в чем выражается авторская позиция в понимании веры в Возрождение. Очеловечивание Природы и поэтизация крестьянского быта представляют яркую сторону в языковом Космосе Н. Клюева. В изображении народной космогонии поэт предельно конкретен и точен. Обращение к фольклорно-мифологическим образам было фактом не только художественного интереса Н. Клюева к народному творчеству, но и его мировоззренческой позицией, особым взглядом на жизнь, направленным на утверждение самоценности народной культуры. Рассмотрение нами процесса наполнения произведений Н. Клюева фольклором, трансформации фольклорно-мифологических образов и мотивов, существования традиционного и авторского начала будет продолжено при дальнейшем изучении поэтического наследия поэта, что является перспективой развития темы.

Источники | References

1. Азадовский К. Жизнь Николая Клюева: документальное повествование. СПб.: Звезда, 2002.
2. Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. М.: Политическая литература, 1986.
3. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований: в 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. 1.
4. Базанов В. Поэзия Николая Клюева // Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Современный писатель, 1977.
5. Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. Н. Азбелев. М.: Высшая школа, 2003.
6. Вроон Р. Старообрядчество, сектанство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева // Клюев Н. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.

7. Гречаник И. В. Религиозно-философские и стилевые тенденции в лирике первой трети XX века (Д. Ме-режковский, А. Блок, Н. Клюев): дисс. ... к. филол. н. Армавир, 1999.
8. Захаров А. Н. Контуры поэтического мира Николая Клюева // Клюев Н. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.
9. Казаркин А. П. Посвященный от народа: путь Николая Клюева. Томск: Сибирика, 2013.
10. Киселева Л. А. Поэма «Погорельщина» в контексте образного мышления Н. А. Клюева // Вопросы русской литературы. 1991. № 1 (57).
11. Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999.
12. Мекш Э. Б. Образ Великой Матери (религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Клюева). Даугавпилс: ДПУ, 1995.
13. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1.
14. Михайлов А. Николай Клюев и мир его поэзии // Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999.
15. Полякова С. В. Колыбельная в поэме Клюева «Песнь о Великой Матери» // Клюев Н. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.
16. Редько Я. П. Поэтика цикла «Избьяные песни» Н. Клюева: дисс. ... к. филол. н. Красноярск, 1998.
17. Савушкина Н. И. Русская поэзия начала XX века и фольклор: учебно-методич. пособие. М.: Московский гос. ун-т, 1988. Вып. 1.
18. Юхименко Е. М. Народные основы творчества Н. А. Клюева // Клюев Н. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.
19. Grimm J. Deutsche Mythologie: in 2 Bd. Wiesbaden: Fourier Verlag, 2003a. Band I.
20. Grimm J. Deutsche Mythologie: in 2 Bd. Wiesbaden: Fourier Verlag, 2003b. Band II.

Информация об авторах | Author information

RU**Мануковская Татьяна Васильевна**¹, к. филол. н., доц.**Бирюкова Светлана Николаевна**², к. пед. н.^{1,2} Воронежский государственный институт физической культуры**EN****Manukovskaya Tatiana Vasilievna**¹, PhD**Biryukova Svetlana Nikolaevna**², PhD^{1,2} Voronezh State Institute of Physical Training^{1,2} kanc@vgifk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.10.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): космогония; мифологическое сознание; онтологические образы; Н. Клюев; ново-крестьянская поэзия; cosmogony; mythological consciousness; ontological images; N. Klyuev; neo-peasant poetry.